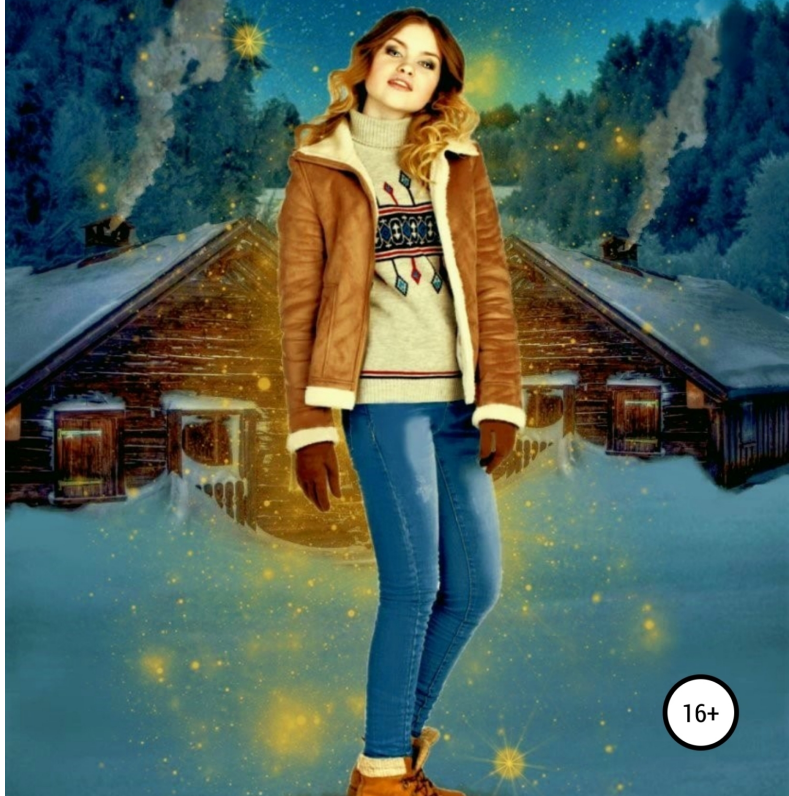

Елена Лукина
Кудеса для Евы

16+

Елена Ликина Кудеса для Евы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67974824

SelfPub; 2023

Аннотация

Отправившись за хлебом холодным и тусклым декабрём, Ева, волею волшебства, переносится в деревеньку Ермолаево – и вовлекается в настоящие чудеса! Перед девушкой открывается мир диковинных существ и странных обрядов. Испытав на себе действие ведьмовской заклятки, Ева не может самостоятельно справиться с колдовством. Вернётся ли к девушке прежний облик? Помогут ли Еве новые друзья? Пятая книга цикла "Потустороннее в Ермолаево"

Елена Ликина

Кудеса для Евы

Глава 1

Предательство Макса Ева переживала остро.

Забросила занятия, не отвечала на звонки подруг. Жизнерадостную и весёлую прежде девушку поглотила апатия. Исчезли жизнерадостность и лёгкость, в ней словно выключили свет.

– Ну сколько можно кукситься! – раздражалась мать. – Радуйся, что удачно отделалась, могла ведь и в подоле принести! Ты же знаешь, я не гожусь на роль бабушки!

Ева отмалчивалась и вздыхала, растирая по опухшей мордашке нескончаемые слёзы.

– Нашла время для страданий. Скоро Новый год! Пошопимся, побалуем себя обновками. Прикупим пару шикарных платьев. Ты у Светки собиралась встречать? Там и блеснёшь.

– Больше не собираюсь, – едва слышно шепнула дочь.

– Вот это зря! У неё всегда весело. Развлечёшься, потанцуешь... Заведёшь новые знакомства в конце концов.

– Мама! – простонала Ева. – Я не пойду к Светке! И в универ больше не пойду!

Мать фыркнула, разглядывая в зеркале морщинки под глазами.

– Глупости какие! Ещё сто раз передумаешь. Позабудешь о Максе, и всё наладится.

– Как ты не понимаешь! Девчонки знают, что Макс меня бросил! И радуются, что так случилось! Они всегда мне завидовали! Всегда! – Ева невольно передёрнулась, вспомнив улыбки, полные фальшивого сочувствия, и насмешливые шепотки за спиной.

– Что за глупости, дочь! С чего им завидовать?

– Они мечтали о Максе, а он выбрал меня!

– Да-а-а, – протянула мать, продолжая любоваться собой. – Это действительно странно!

– Мама! Как ты можешь!.. Я что, урод какой?

– Не обижайся. Но ты у нас такая простушка, дочь! Все эти плюшевые зверюшки, книжки... Какие-то бесконечные фантазии и сказки. Вот мозги Макс у своими историями и проела. Этими... как их... мистикой да фольклором. Пора бы уже повзрослеть.

– Мам! – горестно простонала Ева, и во взгляде матери на мгновение промелькнуло сочувствие.

– Ладно, ладно. Наплюй и забудь! Он тебя недостоин. Хотя ухаживал красиво. Помнишь, какие розы мне преподнёс?

– Плевать на розы!

– И то правда, – рассеянно пробормотала родительница, копаясь в обширной косметичке. – Зачем только приходил знакомиться с нами?

– Чтобы... чтобы... п-п-посмеяться надо мной!

Губы Евы задрожали, и она безудержно разрыдалась.

Несколько месяцев назад она даже не знала о существовании Макса, а теперь вот оплакивает их неудавшиеся отношения. Почему, почему он так с ней? Что ему не понравилось? Что разочаровало??

Но горевала Ева не только по Максy. Ей довелось пережить и вероломство лучшей подруги. Светка – почти что сестра, наперсница всех переживаний и тайн с самого первого класса – легко и просто перечеркнула долгие годы дружбы.

– Мужчины не стоят наших слёз, дочь! Не хочешь праздновать у Светки – заберём тебя на море. Повидаешь тётю, развеешься, отдохнёшь.

– Не хочу на море! – взвизгнула Ева. – Не поеду!

– Поедешь, Ева. – отчеканила мать. – Тебе нужно сменить обстановку.

– Я не поеду. Не поеду, мама!

– Не спорь. Я уже всё решила.

– Ты! Ты... никогда не понимала меня! Даже сейчас не можешь отлипнуть от зеркала! Видишь и слышишь только себя! Себя!

– Успокойся, дочь. Нам хлеб нужен. Сходи за ним. Заодно и голову проветри.

Проглотив обиду, Ева послушно раскопала в ворохе одежды любимую курточку и, громыхнув дверь, скатилась по лестнице вниз.

На улице было противно и зябко. Ноябрь подходил к концу, и мысли о близкой зиме окончательно испортили настроение.

– Ненавижу... ненавижу... – бормотала Ева, сжавшись под ветром. Руки мгновенно заоченели, нос заломило.

За хлебом она не пошла – бесцельно побрела в сторону от магазина. Город вовсю готовился к Новому году – в витринах сияли огоньки гирлянд, красовались ёлки всех размеров и цветов. Бесчисленные полчища разномастных Санта-Клаусов покачивали головами в красных колпаках под заезженную давно приевшуюся мелодию.

Ева всегда любила это время, но сейчас приметы праздника совсем не радовали – раздражали.

Красочные игрушки, блестящие шары, совушки, олени, медвежата не привлекли её внимания, Ева лишь мельком взглянула на них. А отвернувшись, увидела Макса со Светкой! Те неожиданно вывернули из-за угла и остановились, слившись в длинном поцелуе.

Они были совсем рядом – стоило только протянуть руку, чтобы сдёрнуть с головы бывшей подруги ярко-малиновый берет.

Сердце упало.

Что делать? Как быть?! Сейчас они увидят её и... что? Что тогда??

Допустить подобное было никак нельзя. Невозможно!

Попятившись, Ева приникла к двери ближайшего дома и,

подтолкнув её, быстро скользнула внутрь.

В вестибюле было пусто и тихо. В закутке за деревянным ограждением восседала хмурая тётка, вязала на спицах длинное коричневатое полотно.

– Библиотека не работает. – буркнула она при виде Евы. – Ясно же написано – санитарный день!

– Извините, – отступила Ева, но через застеклённые двери увидела продолжающую миловаться парочку. Занятые друг дружкой, те словно приросли к месту и не собирались уходить.

– Мне... мне... в туалет! – выпалила девушка и метнулась в боковой коридорчик.

– Куда-а-а? – завопила тётка, перегнувшись через деревянный барьер. – А ну постой!

Ева пронеслась по длинному полутёмному проходу и уткнулась в тупик.

Тяжёлая металлическая дверь с табличкой «Запасник» была слегка приоткрыта, и, не раздумывая ни минуты, девушка заскочила туда. Она едва успела разглядеть узкие ряды стеллажей, заставленных чем-то вроде коробок и книг, как дверь захлопнулась, противно клацнув.

Ева оказалась в ловушке!

Занятая мыслями о Максе и Светке, она не успела испугаться. Быстро достав телефон, только собралась нажать на фонарик, как в темноте прозвучал смачный чих!

– Поезию ей подавай... – раздражённо прогнусавил кто-то

и снова чихну, пробормотал сам себе. – Будь здоров, батюшка! Поезией сыт не будешь. Лучше бы рыбки попросила. Хотя, какая теперь рыбка. Кум-водяник давно приснул. Один я маюси, топчу земелю. Ни сну, ни продыху не ведаю...

Голос сбился на новый чих, а после пожаловался снова:

– Стихи, говорит, деклари... деклару... декламу... Тьфу, заумь! Что за словеса понадумали! Не желают выговаривать-си!

– Декламируй, – машинально поправила Ева, безуспешно вглядываясь в черноту помещения.

– Вот, вот! – с готовностью откликнулся голос. – Точно так и сказала. Декларируй! Может, посоветуешь, кого декламировать-то? Я в этом ни бельмеса не ведаю.

– Я Бальмонта люблю... – растерялась Ева. – Но вы же работаете в библиотеке, лучше меня должны разбираться.

В темноте завозились, прозвучал очередной смачный чих.

–Ничего я не должен! – следом возразил голос. – В долг из принципу не возьму, хоть ты проси! Тоскливая штука ваша поэзия. Холодные и голодные! Только зря порошок потратил. Аккурат на дорожку осталоси. Ну, бывай, девка. Не чихай!

Ответить Ева не успела – впереди заискрилось облако золотистой пылицы. Внутри этого великолепия слабо просматривалась упитанная, смахивающая на кота, фигура.

Отсальютовав книжным томиком, она снова забористо чихнула, всколыхнув сияющую пыль.

Холодные точки осели Еве на лицо – закололи легонечко кожу, защекотали в носу, и она не сдержалась, всхрюкнула следом.

В воздухе тихонько звякнуло, Еву шатнуло и куда-то поволокло.

– Держиси! – только и услышала она, проваливаясь в пустоту.

Мир раскачивался словно качели, и Ева раскачивалась вместе с ним, изо всех сил пытаясь не отключиться.

– Девка, – позвали негромко. – Ты как, жива?

Не открывая глаз, она кивнула. И прошептала следом:

– Кажется, да.

В голове гремела и билась басами заезженная попсовая мелодия.

– Та-ра-ра! Та-та-та! – вторил ей пронзительный женский голос.

Посреди небольшой комнаты пританцовывала и крутилась перед столом курпулентная розоволосая тётка. Длинная толстая коса, перевязанная алой лентой, моталась по сторонам в такт причудливым па. Чёрные лосины и улепленная стразами майка дополняли и без того невообразимый образ.

– Аа-а-а... – пропела тётка и, довольно притопнув, похвалила себя. – Классно сплясала, Матрёша! Всех сделаешь, всех порвёшь!

– Свистит чердачок у психической, – сообщил кот из золотистого облака. – Совсем стронуласи на любовной почве.

На конкурс красоты собралась.

– Кто это здесь расчирикался? Кто сплетни развёл? Никак гостинёк незваный? Бездельник дворовый? – розоволо-
сая Матрёша шустро сгребла кота за клочковатую бородён-
ку.

– Пусти, душенька, – заголосил тот тоненьким голоском. –
Пожалей украшению мою распронаединственную!

– Проси прощения за психическую! Ну? – тётка легонечко
встряхнула кота. Тот скусился и затынул плаксиво:

– Прости-и-и!.. Прости-и-и! Не гневайси, королевишна!
Не сердиси, мать родна!

Резко рванувшись, разом вывернулся из захвата да кинул-
ся прочь, позабыв про книгу.

– У, змеюка крашена! – донеслось из коридорчика. – Всю
бороду повыколупывала ногтящами.

Матрёша собралась было запустить вслед беглецу увеси-
стой деревянной ложкой, да передумала – уж очень быстро
перемещался кот.

– Попадись мне ещё! – потрясла она кулаком и лишь по-
том заметила притихшую в сторонке Еву.

– Ты кто такая? Откуда взялась?

– Я... – пролепетала Ева, – Меня... Меня кот принёс.

– Кот? Дворовый что-ль?

– Наверное, – кивнула Ева. – Вы его за бороду таскали.

Матрёша внимательно осмотрела девушку. Склонившись
над ней, повела носом, будто принюхивалась, а после неужи-

данно мазнула по щеке. Прищурившись на собственный палец, покивала чему-то и продемонстрировала Еве остатки золотистой пылицы.

– А я-то гадаю, куда звёздная пыль улетучилась! Весь небольшой запасец исчез. Давеча в поисках всю кладовую перетряхнула. Признавайся, для тебя скрал?

– Нет! Я ничего не знаю! – затрясла головой Ева. – Я кота только сегодня увидела.

– Зачем попёрлась за ним?

– Да случайно!

Ева только теперь осознала, что оказалась неизвестно где. Без денег. Без телефона. Без возможности связаться с матерью. Зачем только она полезла в то хранилище! Пересидела бы в вестибюле возле вахтёрши и ушла. Всё, всё из-за этих предателей! Она вспомнила обнимающуюся парочку и прослезилась.

– Ладно, ладно. Успокойся. – примирительно заметила тётка. – Давай познакомимся, что ли. Я – Матрёша.

– Ева.

– Красивое имя, – поцокала Матрёша. – Я местная. Как родилась в Ермолаево, так и живу.

– Ермолаево? Это... что?

– Деревня наша.

– Деревня... – повторила потрясенная Ева. – Я что, не в городе??

– Ага. Издалека ты, птичка, припорхнула. Пыльца-то све-

жая была, порядком тебя протащила.

– Я не хотела! Не думала!.. – всхлипывая и сбиваясь, Ева поведала о своих приключениях.

– Стихи искал? – хохотнула Матрёша. – Ну-ну. Всё перед Анькиной *домовихой* хвостом крутит. Да только зря! Спадарыня давно на *клетника* посматривает. Он дух хозяйственный, солидный. Не то что наш пушистый воришка.

Домовиха? Клетник? Обомлевшая Ева неотрывно смотрела на Матрёшу. Что происходит? Куда её занесло? А, может быть, это розыгрыш? Подстава?? Как же она сразу не поняла! Не случайно же ей повстречались Светка и Макс! Всё, всё подстроено специально! Чтобы разыграть её, чтобы ещё сильнее ранить! Наверное, смотрят сейчас прямую трансляцию её позора и веселятся!

– Я пойду, – сгорбившись, Ева посеменила к дверям.

– Далеко ли собралась? – поинтересовалась Матрёша, но отвлеклась на телефон, что-то рассматривая на экране.

– Сообщение! Про меня спрашивают! – решила Ева и, не выдержав, пустилась бежать.

Оказавшись же на улице, вскрикнула и замерла.

Белое нетронутое полотно расстиралось вокруг. Аккуратные домики, рассыпанные по обеим сторонам дороги, прятались под снегом, подсвечивая его яркими огоньками окошек. Деревья, кусты, деревянные столбцы заборов выросли крупными кристаллами инея. Было тихо и сонно. Лишь вдалеке у леса пронзительно и сварливо перекрикивались о чём-то

незнакомые чёрные птицы.

Ева захлебнула студёного колкого воздуха и разом заledenела. Тонюсенькая короткая куртёнка совсем не спасала от мороза.

– Где я? – только и выдохнула непослушными губами.

– Да в Ермолаево же! – Матрёша потянула её назад, в тепло натопленного дома.

Говорящий кот. Заснеженная деревня. Таинственное перемещение с помощью какой-то пылицы... Неужели это не розыгрыш? Неужели всё правда??

– Я будто в сказку попала! – шепнула Ева потрясённо.

– Можно и так сказать, – согласилась Матрёша. – У нас, в Ермолаево, всякое творится. Чем не сказка? Сказка и есть.

– Но мне нужно домой! Там мама нервничает, не знает, что со мной случилось!

Матрёша будто не расслышала – укутала Еву колючим пледом да хлопотала у стола. В огромную узорчатую кружку отлила из термоса что-то густое и тёмное, протянув, велела:

– Пей давай! Отогревайся!

Ева машинально глотнула и раскашлялась, приторный напиток продрал горло.

– Что вы мне дали?

– Сбитень. Там патока, медок да травки. Пей, пей. Чтобы хворь не пристала. Вон, посинела вся. Кто ж в зиму так одевается!

– Так не зима ещё! Конец ноября.

– И что с того? Ты сама видала, что за погода у нас.

Ева вздохнула и снова осторожно захлебнула сбитень. В груди потеплело. Неожиданно улучшилось и настроение.

– Полегчало? – понимающе подмигнула Матрёша. – То-то. Меня баба Оня варить научила. Она столько рецептов знает!

– Скажите, а автобусы здесь есть? Или такси?

– В центре, конечно, имеются. Только до него пёхом надо. Или на Тоськином драндулете.

– Она сможет меня подвезти? Я заплачу. Обязательно!

– Тю-ю-ю, чего захотела. – рассмеялась Матрёша. – Не здесь Тоська, на *той стороне*. Да и не на ходу машинка, успела проржаветь без пригляду.

– Что же мне делать? – снова расстроилась Ева.

– До бабы Они идти нужно. Она и подскажет.

– Проводите меня? Пожалуйста!

– Провожу. Куда же деваться.

Матрёша распахнула дверцы старинного шифоньера и принялась рыться среди вещей.

– Ну-ка, примерь, – сунула Еве короткую вытертую шубейку да теплые штаны вроде лосин.

– Зачем, не надо, – принялась отнекиваться та. – Я и в курточке добегу. Перетерплю.

– Бери пока даю! – прикрикнула Матрёша. – Зима-зиму-щая у нас. Птицы на лету подмерзают! Не до переборов.

Глава 2

Ева посмотрела в зеркало и зажмурилась. Заношенный полушубок сидел мешковато, собравшиеся гармошкой штаны не подошли по длине.

Сейчас бы сфотаться и вывесить в соцсеть. Всем на потеху!

Глаза защипало.

Почему, ну почему же так не везёт? Может, на ней порча? Или сглаз?

– Не разводи здесь сырость! – Матрёша поправила залаченную чёлку. – Пошли уже, мне ещё репетировать номер.

– Вы артистка? – зашмыгала носом Ева, изо всех сил стараясь не разреветься.

– На конкурс собираюсь. – гордо ответила тётка. – Хочу красотой потряхнуть.

Участниц подобных конкурсов Ева представляла себе совсем иначе, но уточнять ничего не стала. Какая ей разница. Может, местные так развлекаются. Всё-таки Новый год впереди. Танцы-фейерверки-чудеса...

– Что вздыхаешь? – покосилась тётка. – Посмотри лучше, как красиво у нас!

Она развела руками и засмеялась.

Деревня как будто дремала. Снег падал медленно-медленно, снежинки подолгу зависали над землёй. Дальний лес почти растворился в сумерках, слился на горизонте с темнею-

щим небом. Повсюду в домах загорались окошки, подсвечивая подступающую ночь.

Ева красоты не замечала. Ей хотелось домой, в город. В комфорт и относительное тепло.

– Чего от мужиков ждать! – неожиданно посочувствовала Матрёша. – Я вот тоже попалась. Поначалу-то хорошо всё было – по скайпу созванивались, переписку завели. Я к немчуре своему даже смоталась, представляешь? Две недельки пожила в заграницах. А потом уже он приехал...

Она примолкла и зашарила по карманам.

– Телефон дома оставила. Ты постой. Подыши. А я мигом.

Придавленная полушубком Ева послушно остановилась, сдвинула повыше съезжающую на глаза колючую шапку.

– Бац! – что-то врезалось в лоб, пребольно поцарапав кожу.

Ева дёрнулась и встретила глазами со странным уродцем. В чёрном тряпье, перекрученный да переверченный, словно корни древнего дерева, выглядывал тот из-за ближнего заборчика и целился заиндевевшей шишкой. Увидев, что его заметили, он тотчас метнул шишку, но от повторного болезненного удара Еве удалось увернуться.

– Вы чего? – выкрикнула она, не успев как следует испугаться. – Совсем спятили?

Уродец захихикал и, сиганув на дорогу, запрыгал вокруг.

Ева смотрела во всех глаза, но не могла разглядеть лица лилипута. Тот же заходиллся трескучим смехом, колесом кру-

тился перед ней.

– Брысь, ты! Не к месту здесь! – проскрипело позади, и уродец разом ввинтился в сугроб, разметаив по сторонам снеговую пыль.

Пытаясь унять подступающее кружение, Ева стянула шапку – в голове что-то плавно покачивалось и плыло.

– Три дороги, три пути! Что выберешь – то останется. – старушонка, замотанная по самый нос, появилась откуда-то сбоку. Из-под облезлой залатанной накидушки выглядывал одинокий громадный валенок.

– Она в нём скачет, что ли? – подумала Ева, поспешно отводя глаза.

– Скачет, скачет, – покивала старушонка, и Ева отчаянно покраснела. Стараясь загладить неловкость, поздоровалась как можно вежливее.

– И тебе не хворать, – хихикнула старушонка. – Про дороги-то поняла?

– Нет. – честно ответила Ева. – Разве это мне говорилось?

– А больше ведь некому. – старушонка извлекла из валенка коробок вроде спичечного. – На-ка. Прими.

– Зачем? – не поняла Ева.

– Прими, говорю. Нынче в полночь открой.

– Да зачем? Что там?

– Увидишь! – старушонка всё протягивала коробок. Бледная синеватая рука, покрытая пупырышками гусиной кожи, слегка подрагивала.

Ева пожалела бабу и послушно взяла коробок.

– В полночь открой! – повторила та. – Не попутай!

– А что за дороги-то? – переспросила Ева.

– Судьбина твоя.

– Вы гадалка? Откуда про них узнали?

– На лбу подсмотрела. – охотно объяснила старушка. –

Сколько морщин – столько дорог!

И захихикала, заходила ходуном. Из-под широкой одёжки посыпались на снег такие же одинаковые коробки.

Ева сунулась было подобрать, да старуха остановила, взвизгнула пронзительно:

– Не тронь чужое! Не для тебя приготовлено!

– Я помочь хотела, – растерялась Ева.

– Не просят – не лезь! – отбрила старушонка недовольно и вдруг подобралась, будто кошка перед прыжком.

– Не звали! Не ждали! Вертайся назад! – издали орала Матрёша. – Не звали! Не ждали! Вертайся назад!

Старушонка зашипела зло, ощерилась мелкими острыми зубами, но задерживаться не стала, резво поскакала вдоль улицы. Валенки отлетели в сторону, обнажая огромную синюшную птичью лапу!

Ева так и осталась стоять с открытым ртом, сжимая в ладони коробок.

– Ты как, говорила с ней? Брала что-нибудь? – Матрёша бесцеремонно завертела девушку, озабоченно осматривая.

– Кто это был? – потрясённо выдохнула Ева. – Просто ки-

но какое-то!

– *Смутья!* Почуяла в тебе слабинку и сразу пристала. Сейчас многие из этих повылазили, поближе к людям пристроиться норовят. Время такое. Тёмное.

– Она... настоящая?

– Нет, игрушечная, – огрызнулась Матрёша, пытаясь выдрать из Евиной руки коробок. – Зачем взяла? На что польстилась?

– Не знаю, – увернулась Ева. – Как-то само получилось.

– Главное, не открывай! Она подскажет, как с ним нужно поступить.

– Я его лучше выброшу.

– Не вздумай! Просто бросить нельзя – ещё подберёт кто. В печи сожжём. Или на костре.

– А что внутри?

– Не могу сказать. Не довелось открывать.

Телефон запищал, и Матрёша уткнулась в сообщение. Ева же осторожно потрясла коробок и, решившись, сдвинула крышечку. Совсем чуть-чуть, на миллиметр, не больше. Сквозь маленькую щель рассмотреть ничего не вышло, да ещё и сердце кольнуло внезапно, и такая тоска накатила разом, что захотелось завывать.

Никому-то она не нужна в этой жизни! Мать строит новые отношения, парень оказался предателем, подруга – тоже... В кого она такая невезучая? Как теперь с этим жить?

Ева вспомнила объятия и поцелуи перед библиотекой и

неожиданно разозлилась.

Я им ещё покажу! Они ещё меня узнают!

Отомщу! Обязательно! Обо всём пожалеют!

В голове принялись разворачиваться планы мести – один изощреннее другого.

Ева разом вспотела и расстегнула шубейку.

– Да что ж ты делаешь! – Матрёша выхватила коробок и быстро задвинула крышечку. – Сказано было – не смотри!

Вон, проняло как! Красная вся, глазюки разгорелись!

– Я их проучу! Они пожалеют!.. – забормотала Ева.

– Ты обороты-то сбавь! Не приваживай *смутью*!

– Нет её. Сбежала.

– Прям. Рядом невидимкой крутится, выжидает, когда в кондицию войдёшь. Тогда и выпьет!

– Что выпьет?

– Энергию, силу. Назови как хочешь. Ненависть организм подточит и всё, хана.

– Как вы не понимаете! – не могла успокоиться Ева. – Меня предали! Обманули!

– Всё понимаю. Сама попала. Рассказывала уже.

– Вы не договорили.

– Да?.. – удивилась Матрёша.

– На телефон отвлеклись...

– Далеко ли намылились, девки? – из переулочка вывернул незнакомый дедок с хворостиной.

– Прогуливаемся, Семён. Воздухом дышим.

– Дело нужное. – одобрил дед. – Я вот тоже на мотион вышел.

– А хворостина зачем?

– От *вихревых* отбиваться. Совсем ошалели к ночи, безобразники.

– Бывай, Семён. Некогда нам.

– Гляжу ты ресницы присобачила, – поддел дед. – Прямо щётки! Впору полы мести.

– Смейся, смейся, – отмахнулась Матрёша. – Сделаюсь знаменитой – по-другому запоёшь.

– Это кто ж с тобой? – дед прищурился на Еву. – Товарка по замыслу? Иль Анькина смена?

Но Матрёша проигнорировала вопрос, обогнув деда, потянула Еву к одному из ближайших домов.

– Вы не договорили, – снова напомнила Ева. – Про предательство...

– Да что говорить. Перехватила у меня мужика одна персона. Приворотом к себе привязала. Как бычок на верёвочке за ней ходил, совсем от чувств одурел...

Приворот! – возликовала Ева про себя. Как она сама не сообразила, как не вспомнила про него!

– Даже не думай! – Матрёша словно мысли прочитала. – Штука страшная! Сделать – сделаешь, да только шибко после пожалеешь.

Домик бабы Они напомнил Еве пряник в глазури. Маленький и ладный, выкрашенный бело-голубой краской

смотрелся он до того красиво, что захотелось поскорее войти.

– Давай, давай, – подтолкнула к калитке Матрёша. – Не тормози. Двигайся.

Перед самым крыльцом тропинку перед ними перебежал кто-то вроде большой собаки – мигнул на опешившую Еву красными фарами глаз да потрусил мохнатой копной в глубь двора.

Над головой прокричали тоскливо и пронзительно, столкнули с краешка крыши пушистый снег.

Ева шарахнулась и без стука ввалилась в узкие сени. Давно позабытый из детства аромат окутал её тёплым душистым облаком – похоже пахло у бабули в деревне, когда та затевала пирожки. Ева совсем не помнила их вкуса. А вот запах остался с ней навсегда.

– Напекла, Оня! – довольно пробормотала Матрёша. – Словно почувствовала гостей.

Тихо прошелестел телефон, Матрёша поморщилась, но нажала на кнопочку, процедила недовольно в трубку:

– Чего надо?

Ева не стала прислушиваться к разговору, чуть приоткрыла ведущую в комнату дверь.

– Измучилси я! – слышалось через щель. – Присыпаю на ходу!

У занавешенного окошка за столом помещался знакомый котяра, обеими лапами заталкивающий в себя то ли сметану,

то ли густые сливки. Хозяйка дома возилась у печи, тащила из духовки широкий противень, щедро заполненный свежесдобой.

– Дай пирожочка! – потянулся к противню кот. – Страсть, до чего хороши!

– Вот подостынут, тогда и угостишься, – баба Оня ловко накинула на выпечку светлое льняное полотенце.

Дворовый почесался и смачно зевнул.

– В спячку тебе пора. Зачем противишься природе?

– Нельзя мне в спячку! Лукичну клетник просватает!

– Коли суждено такое – не сможешь помешать.

– Каждый день он там отирается! Пользуется моментом, что хозяев нема.

– Я с Аннушкой только сегодня разговаривала. – вздохнула бабка. – Недавно ведь уехали, а я уже заскучала.

– По чём болтали?

– По скайпу. Придумали же люди чудо-аппарат! Вот где волшебство да магия!

– По скайпу! – возмутился кот. – Ты и без него с ней связаться могла. По блюдецку иль по тарелочке.

– Правда твоя. – согласилась бабка. – Только по этому самому скайпу быстрее да сподручнее выходит.

Кот завозился, почесал встопорщенную бородёнку.

– Как они там? Что рассказывают?

– Тоже скучают. После Крещения планируют домой.

– После Крещения? – всплеснул лапами дворовый. – Да

что ж так долго-то?

– Надо родителей уважить, погостить немного. И Ладушка мала слишком для силы своей, вот и увезли от греха. Тёмное время отступит, тогда и назад.

– То верно, кроху зимой побережь следует! – кот протяжно зевнул и пригорюнился.

– В спячку тебе надо! – повторила бабка. – У меня в кладовой с лета перина да подушка травами набиты. Прожарились на солнышке, легче пуха теперь. Хорошо на них спаться будет. Как на облаке. Прилёт бы, покемарил. А там и весна...

– Не хочу! Стольки годочков через ту спячку проворонил! Да и спадарыню опасаюси без пригляда оставить.

– Ну, как знаешь. Сейчас пирожки отдохнут и станем чай пить. Ты какой, деточка, любишь больше – чёрный или на травках? – бабка внезапно обернулась к двери и поманила Еву. – Проходи, присаживайся к столу.

– Здравствуйте. – Ева неловко улыбнулась в ответ. – Извините. Я не хотела подслушивать.

– Да мы ничего тайного не обсуждали. Родню вспоминали и только.

Сбросив полушубок, Ева осторожно разместилась рядом с дворовым.

– Что таращисси? – недовольно взмякнул кот. – Отлипни от меня, липучка городская.

– Я – липучка? – возмутилась Ева. – Сам меня притащил, я не просила!

– Не толкласи бы под лапами, не попала б под пыльцу!

– Всю пыльцу потырил, представляешь? – пожаловалась от дверей Матрёша.

– Мне надо было. Я за стихами летал, в эту... как ея... библиотеку.

– Верни меня обратно! – Ева затеребила кота за пушистую шерсть.

– Не тронь шубейку! – взревел тот. – Всю красу повыдергаешь!

– Перестану, если пообещаешь вернуть!

– Не могу. Звездная пыльца вся вышла! – повинулся кот. – Придётся подождать, пока Матрёша новую нацедит.

– Легко сказать! – хмыкнула Матрёша. – Думаешь, просто это? Воду надо на ночь под звёзды выставить. Да так, чтобы отражение поймать. После выпарить всё, со стенок соскребсти осадок. На печи подержать нужный срок. Только тогда пыльца в силу войдёт. Чтобы ладонь наполнить – несколько заходов предпринять нужно. Очень трудоёмкая работа.

– А проще нельзя никак нельзя? – спросила Ева. – На автобусе или на машине?

– Можно и проще, но не тебе. – Матрёша повернулась к бабе Оне. – *Смутью* она притянула, заглянула в коробок!

– Деточка! – ахнула Оня. – То-то я гляжу, беспокойная ты. Будто в разладе с собой находишься. Уедешь – *смури* разъедать изнутри станет, всю жизнь твою перепортит.

– Вот, вот, – покивала Матрёша и прихватила пирожок. –

М-м-м... Оня! Что за начинка у него?

– Так яблочки. Я проварила чуть. Сахарка, корички добавила...

– Вкуснющие получились!

Дворовый шевельнул ушами, соглашаясь, и нацелился на пятый пирожок.

– Деточка, что сидишь как в гостях? – Оня пододвинула Еве тарелку. – Бери пирожки, угощайся.

Еве давно хотелось попробовать бабкину выпечку, но желание попасть домой было сильнее. Покосившись на пирожки, она спросила расстроено:

– Что же мне делать?

– У меня погостить оставайся. Отваров моих попьёшь, *смурь* постепенно и сойдёт. Тогда и домой тебя переправим.

– Мама не знает, что я здесь. И занятия ещё идут. В универе.

– Это мы исправим. Маме просто позвонишь. Скажешь, что в гости приехала, в Ермолаево к бабе Оне.

– Да она с ума сойдёт! Расспросами замучает. Как я ей объясню всё?

– Ты позвони, деточка. Скажи, как велю.

– Да я без телефона...

– У Матрёши возьми. Номер-то помнишь?

Ева кивнула и, не веря в успех предприятия, быстро набрала нужный номер.

Выслушав сбивчивое объяснение, мать не стала ничего

выяснять. Даже обрадовалась и пообещала связаться с деканом, объяснить причину Евиного отсутствия.

– Придумаю что-нибудь. Не волнуйся и хорошенечко отдохни. Бабе Оне привет.

– Вы знаете маму? – поразилась Ева, окончив разговор.

– Не знаю деточка, – улыбнулась бабка. – Так, сообразила кой-чего, чтобы без толку её не тревожить. Давай-ка, ешь пирожки. Тут с яблочной начинкой, в корзинке – с мясной.

Пирожки оказались вкуснейшие! Начинка – сочная, густая, в меру сдобренная специями. Ева ела и ела, никак не могла насытиться.

Откуда-то вывернулась забавная пёстренькая старушонка, закрутилась тут же, принялась подливать чай, чем-то греметь на печи.

Кот давно прикорнул, свернувшись клубком на лавке. Похрапывал да изредка вкидывал лапы, словно гнал от себя кого-то.

– Ты бы ему снотворного влепила, – предложила Матрёша. – Чтобы до весны проспал.

– Не могу, неправильно это. Чувства у него. Переживает.

– Да какие чувства у нечисти! Блажь одна.

Бабка принялась возражать, а Ева приткнулась к стене, задремала следом за дворовым.

Резкий противный звук выдернул её из сна. Сквозь схваченное морозом стекло различила Ева вроде птицы кого-то – с человеческий рост да в женском потрёпанном платье. Гла-

зом без зрачка прильнула *незванная* близко-близко, уставилась пристально. А как моргнула редкими ресницами – разом все зубы свело у Евы! Да в ушах завело тоненько – то ли плачь, то ли непонятное причитание.

Кикуня заворчала и скрутилась в клубок, закатилась куда-то в угол.

Баба Оня быстро выключила свет, пояснила досадую:

– Нечистый *кумоху* принёс! Не смотри в глаза-то! Зажмурься!

Задёрнув поплотнее занавеску, прихватила мисочку с водой, поставила у порога.

– Это чтобы *кикуня* её зов не услышала. Иначе не сможет противиться, отворит двери.

– Что ей сделается, *кикуне* твоей. В щёлочку забила и сидит. – пробурчала Матрёша. – А я-то хороша! Совсем забылась, разгорелись глаза на пирожки. Как теперь к себе пойду через ту *кумоху*?

Кумоха всё не отставала, продолжала скрестись да жалостно постанывать – проситься в дом. Звуки шли отовсюду. Еве казалось, что кто-то топчет по крыше, простукивает стены, легонечко тарабанит в окно.

– Ишь, разошлась как! – вздохнула Оня. – Придётся потревожить *суседушку*, пойду-ка в кладовую, попрошу помочь.

– Из-за неё всё! – Матрёша погрозила Еве. – Жили себе спокойно. Так нет, принесла нелёгкая.

– Я же не специально! – сжалась на стуле Ева. – Не собиралась я в вашу деревню. Очень надо!

– Собиралась или нет, всё едино. Из-за тебя *кумоха* приковыляла. По следам нашла да по рассказу *смуты*. Чует слабинку твою, вот и лезет наудачу.

– Не нападай на девочку, Матрёш. Она и так испереживалась вся. – баба Оня вынесла из кладовой берёзовый веник. Обмахнула им окошко да проговорила разом. – *Сусе-душико-дедушико*, разберись с гостьей незваной, отвадь *кумоху* от нашего порога!

После распахнула оконную створку, вытолкнула веник на улицу.

И сразу затихла *кумоха*! Унялись все скрипы, смолкли звуки и шепотки. Только и проявились на нетронутом снегу следочки птичьи, спешащие прочь. Веник летал и кружил над ними. То опускаясь, то взмывая вверх, охаживал невидимую *кумоху* по спине.

– Свезло тебе с домовым, – Матрёша завистливо вздохнула.

– Я с добром к нему, а он ко мне – с пониманием, – улыбнулась бабка и захлопнула окно. – Ух, и напустили морозцу. Надо печку проверить, подкинуть дров.

Тут же выкатилась *кикуня*, принялась шерудить возле печи.

– Пойдем, деточка, – бабка приобняла затихшую Еву. – Я тебя спать уложу. На хороший сон наговор сделаю. Отдох-

нёшь, успокоишься. А утром думать станем – как дальше быть да что делать.

Глава 3

Всю дорогу до Ермолаево Маринка провела в напряжении.

Она успела пожалеть и о собственном спонтанном решении, и о попутчице, которая согласилась её подвезти.

Маринка добиралась на машине. Известный сервис предложил несколько вариантов, и она выбрала среди них единственный и наверняка безопасный – тот, где водителем была женщина.

Варвара, энергичная и резковатая дама, выехала гораздо позднее условленного срока и, навёрстывая упущенное время, лихо гнала автомобиль по леденеющей к ночи трассе. Перепутав в темноте поворот и изрядно поколесив по окрестностям, она неожиданно потребовала у Маринки:

– Вылезай, до Ермолаево немного осталось. Через поля быстро доберёшься.

И на прощание махнула рукой:

– Тебе туда...

Когда они только обсуждали детали поездки, Варвара радовалась, что им по пути и обещала подбросить до нужного места.

После, в машине, выяснилось, что едет она вовсе не в Ермолаево. А на безобидный вопрос Маринки – куда, отрезала

недовольно:

– Не закудыкивай дорогу! Тебе не всё равно?

Сама же всё приставала с расспросами – зачем Маринке в Ермолаево? Что это за деревня? Какие люди в ней живут? К кому конкретно она едет?

Маринка почему-то не сказала правды – соврала Варваре про подружку.

– Подружка местная?

– Не-е-е. У неё там бабушка жила. А теперь родители сделали что-то вроде дачи.

– Ясно... – ответ явно разочаровал Варвару. Поправив над зеркальцем уродливый брелок в виде куриной лапы, она вдруг поинтересовалась:

– Ты про деревенских ведьм что знаешь?

– Про ведьм? – удивилась Маринка фальшиво. – Вы серьёзно?

Услышав вопрос, она тут же подумала про девчат, но рассказывать о них незнакомой тётке не стала.

– Не веришь в ведьм? – Варвара взглянула искоса, и сразу что-то сжалось в желудке, Маринке сделалось нехорошо.

– Никогда не думала о них, – как можно равнодушнее буркнула она и отвернулась к окну.

– Зря, зря... – то ли прошептала, то ли прошипела Варвара и до конца поездки больше ни о чём не спросила.

О своём прибытии Маринка никого не оповестила, до последнего момента и сама не знала, что соберётся в гости к

бабе Оне. Родители повезли Лизу на море, и Маринка осталась дома одна. Она всегда скучала в подобных поездках – толкотня курортных городков утомляла, море не вызывало никаких чувств. Маринке хотелось в деревню, к полю и лесу. Тогда-то и пришла мысль рвануть к старым знакомым, встретить Новый год в Ермолаево.

Её не ждали. Маринка хотела сделать сюрприз. Но оставшись в одиночестве посреди бескрайнего поля, очень сильно пожалела об этом.

Теперь, зимой, она совсем не узнала местность. В какую сторону идти? Как добираться до деревни? Всё словно утратило очертания, смазалось в подступившей темноте, и Маринка больше угадывала, чем видела, что происходит вокруг.

Приметные местечки и ориентиры скрыл снег. Местные вытоптали лишь узкую тропочку среди сугробов. И мысленно возблагодарив их, Маринка зашагала по ней.

Откуда-то налетел ветер – разметал падь, пустил кружить небольшими вихрями, осыпал лицо чем-то колким, жестковато-ледяным. Принёс с собой невнятное жужжание да лёгкий тоненький перезвон. Среди туч проявилась луна – растрёпанная да шербатая, в красноватом зыбком ореоле. Маринка засмотрелась на неё, и неясное предчувствие ворохнулось внутри, будто пытаясь предостеречь от чего-то.

Мороз разошёлся к ночи, ноги в лёгких ботинках заledenели. Попрыгав на месте, Маринка, перешла на бег. Приня-

лась было напевать для смелости, но вспомнив про простое место, осеклась, решила не привлекать внимания. Так и трусила вперёд в молчании, мечтая поскорее добраться до деревни.

Далеко впереди проявился смутный силуэт. Кто-то помещался на тропинке, перегораживая проход. Маринка чуть замедлила движение, но, приглядевшись, сообразила, что это всего лишь снеговик – грубо вылепленная фигура без лица и рук, на толстых коротких ногах.

Чтобы не наступить в сугроб, Маринка слегка подтолкнула снеговика. И не смогла отнять от фигуры рук! Снежный ком надвинулся близко-близко, Маринка ткнулась в него лицом, захрипела, забилась, тщетно пытаясь вырваться. Перезвон ветра завыл набатом, ледяными иглами ввинчиваясь в виски, тело сделалось чужим. Непослушным.

Как она могла быть такой беспечной? Почему не предупредила о приезде?? Сейчас её сожрёт ледяное чудовище, и никто никогда не узнает про это!

Что-то вроде корявой ветки метнулось сбоку, набросившись на снеговика, одним махом снесло тому голову. Маринка всё ещё барахталась в сугробе, а от фигуры уже ничего не осталось. Лишь куча снега насыпалась на тропинку.

Растопылив сучки, ветка зависла перед лицом Маринки, и та сжалась в ожидании удара.

Однако ничего не произошло. Стих набат, примолкло назойливое жужжание. Когда же промерзшая насквозь Марин-

ка осторожно отняла руки от лица – ветка всё также висела рядом. Качнувшись в воздухе, она дрогнула несколько раз да спланировала вниз. Маринка машинально перехватила ветку и с лёгкостью поднялась.

– Спасибо! – прохрипела она, отряхиваясь.

Ветка отмахнулась да медленно накарябала на нетронутом снежном полотне кривоватую надпись: *Держися меня!*

После это резво заскользила вперёд. И Маринка не стала ждать – поспешила следом.

Бабе Оне не спалось. Расположившись подле окна, разглядывала она морозные узоры да думала о будущем.

Накануне по традиции гадала она «наперёд». В талой воде, оставленной на ночь в сениях, обнаружили грязь да щепы, встревожившие её – надвигались непонятные хлопоты и проблемы. Грапе тоже вышло видение – приснилось ей собрание деревенских колдовок. И среди них разглядела Грапа новенькую – нахальную да из себя разодетую, по виду сосем не местную.

Обсудив всё друг с дружкой, сговорились девчата быть настороже. Мало ли что.

Опасения бабки подтвердились после появления Евы, разглядела в ней Оня слабую сторону, нешуточную обиду да уязвимость. Неспроста девочка здесь оказалась. Ох, неспроста. Вот и *смутья* поблизости крутится, явно что-то затевает.

Крепко призадумавшуюся бабку отвлекли шажочки –

кто-то перемещался по крыше, подсакивая и топоча.

Звякнула печная заслонка и пропищало из-за неё:

– Гости к ночи! Гости к ночи! Встречай гостей!

– Кого ещё в ночь несёт? – Оня поспешно накинула шаль да прихватив для верности горсть золы, выглянула с крыльца.

В калитку вбежала девушка, обернувшись назад, махнула рукой и крикнула кому-то:

– Спасибо!

– Мариночка! Ты? – ахнула Оня, а после увидела за забором зависшую ветку размером с древко метлы. На секунду на ней проступила высокая да худая фигура в чёрном. Поправив платок, махнула Оне рукой и унеслась к лесу.

– Тоська! – только и успела подумать бабка и обняла подскочившую Маринку, заохала. – Деточка! Как же ты добиралась? Ночью! Одна! Пойдём скорее в дом, к теплу.

О своём приключении Маринка рассказала на ходу:

– Меня ветка спасла!.. Она снежную бабу порушила. И к вам проводила...

– Ох, деточка! Недоброе время ты выбрала! Сейчас по темну нельзя никуда ходить! Беречься нужно!

Бабка провела Маринку на кухню – к теплу и вкусностям.

Там уже вовсю орудовала *кикуша* – доливала пузатый расписанный розами чайник кипятком, выставляла сахарные пряники да варенье. Скупно кивнув Маринке, потащила из духовки тяжёлый, исходящий паром чугунок. Внутри того

что-то аппетитно побулькивало и клокотало.

– Дай-ка, рассмотрю тебя получше. – бабка повертела Маринку и вновь обняла. – Подросла, расцвела. Раскрасавицей сделалась!

– Я так скучала! – Маринка уткнулась в душистую, морщинистую щёку и притихла.

– Что ж так долго собиралась, деточка? – Оня легонько побаюкала её, погладила по волосам.

– Всё некогда было. То одно, то другое.

– Что ты Лизу не захватила?

– Она на море захотела, родители отвезли.

– Как у неё дела?

– Нормально. Шьёт кукол, даже магазинчик открыла в интернете.

– И покупают?

– Ещё как! В очередь пишутся, представляете?

– Вот и правильно. – покивала Оня. – Лиза по роду рукодельница, по крови своей. И куклы её совсем не просты. Скрытую *обережную* силу имеют.

– Как вспомню, что с ней было!..

– Зачем вспоминать? Что было – то ушло. И в том твоя заслуга! Повезло Лизе с сестрой.

Бабка усадила Маринку поближе в печи, налила горячего чая да пододвинула плошку дымящейся каши.

– Пробуй, милая. Не стесняйся.

Угощение оказалось очень вкусным, Маринка ела и ела –

никак не могла насытиться.

– Что тебе приготовить? Чего больше всего хочется? – расспрашивала Оня, подкладывая добавку. – Как славно, что ты приехала! Люблю, когда гости в доме!

– Гости? – переспросила Маринка.

Бабка кивнула.

– Перед тобой Матрёша девочку привела. Городскую. Дворовый негодник магией к нам перенёс. Помочь ей нужно. Обратно вернуть. Завтра утром познакомлю вас, авось и подружитесь.

Вскоре появился и дворовый. Завидев Маринку, обрадовался и полез обниматься.

– Девка! Ты?! Откель взяласи? Соскучилси по тебе, страсть как!

Маринка погладила кота по нечёсаной шерсти и предложила:

– Давай, остригу?

– Свят, свят, – шарахнулся дворовый. – Не мыльси даже. Шубейка у меня первый класс! Всей нечистой братии на зависть.

– Хоть колтуны вычешу... – начала Маринка, но кот только фыркнул и на всякий случай присел подальше.

– Мне бы настоечки твоей, – заискивающе прищурился на Оню. – Нервы погонять. Будь ласкова, налей стопарик!

– Тебе рябиновой или на дубовой коре? – бабка подошла к широкому ларю, скромно пристроившемуся в углу за две-

рю.

— А ты смешай! Навроде коктейли! — предложил дворовый и заметно оживился.

— Можно и смешать. — согласилась Оня, отпирая навесной замок. — Примешь и аккурат до весны проспшишь.

— Нельзя мне в спячку, сама же знаешь. — вздохнув, кот объяснил Маринке. — Соперник у меня объявился! *Клетник* из соседней деревеньки Лукичну охаживает. Так и вьётся над ней, так и крутится!

— А что она? — немного растерялась Маринка.

— А что ей сделается? Всем авансы раздает. Одним успокоительным и держуси! Ты лей, лей, не жадничай! — дворовый переключился на бабу Оню.

— Не волнуйся, батюшка. Сколько надобно, столько и отолью.

Маринка слушала и улыбалась. Так хорошо ей было здесь, так спокойно и радостно, словно вернулось детство. Тихо постукивали ходики, трещали поленья да *кикуня* крутилась у лавки, ссыпала на сковороду орехи из мешка — собиралась прокалить в печи.

Кот поскрёбся за ухом, ругнулся было на Сеньку-оборотня и замер, завидев появившуюся из ларя бутыль. Бабка чуть встряхнула коричневый настой и откупорила пробку.

— Красота какая! — встопорщив в нетерпении усы, дворовый облизнулся.

Оня передала ему небольшой стаканчик, повелела:

– По глоточку пей. Не торопись!

– Да знаю, знаю. – пробормотал кот и разом сглотнул содержимое. – Уф-ф... Хорошо пошло! До самого нутра продрало! – занюхав собственный хвост, он скомандовал. – Давай по второму заходу!

– Хватит с тебя и раза, – отмахнулась бабка. – А то ведь все лапы разъедутся.

– Ну и ладно, – блаженно зажмурился кот. – Волшебная напитокка! Только послекусия другая, быдто кислинка появилась...

– Основа таже – щепка дубовая да спирт. Сахар, гвоздичка, веточка зверобоя... – принялась перечислять бабка. – Ну и боярышник, само собой. Я лишь шиповника ещё добавила.

– Всё эксме... эскми... эспериментами балуетси! – кот подмигнул Маринке и широко зевнул. – В кладовой, говоришь, матрас? Пойду покемарю чутка.

– Иди, батюшка. – улыбнулась Оня. – Я и Марише постелю, пусть отдохнёт с дороги.

Маринка тоже засыпала и безропотно позволила проводить себя до кровати.

– Спи, деточка. – бабка подтолкнула вокруг одеяло и поправила подушку. – Отдыхай от приключений.

Глава 4

Ева проснулась среди ночи внезапно, словно от толчка или взгляда.

Спросонья не сообразила сразу, где находится. Всё было незнакомое. Чужое.

Усевшись на кровати, она таращилась в темноту, пытаясь понять, что произошло.

Сквозь примороженное окно проникал слабый свет – переливался меж узорчатых разводов, вспыхивал искорками и тут же растворялся во мраке. Похожие переливы она видела совсем недавно... Облако золотистой порхающей в воздухе пыльцы...

– Держиси! – проскрипело в голове, и Ева разом очнулась, живо вспомнила все свои злоключения.

И странного кота, и перенос в деревню... И смешную Матрёшу, и *смутью* на птичьей лапе... И Светку, целующуюся с Максом у библиотеки!

Как они смотрели друг на друга тогда! Как обнимались!..

Мгновенно увлажнились глаза, сдавило грудь – обида от предательства и измены всколыхнулась с новой силой.

– Я им покажу... они ещё пожалеют... – забормотала Ева и осеклась, приметив бледный зеленоватый свет, заструившийся из старого зеркала на подоконнике.

Она сама поставила его туда перед сном. Уже после того, как ушла баба Оня.

Едва войдя в комнатушку, Оня сразу же кинулась прятать зеркало – положила стеклом книзу да накинула поверху кусок тёмной материи.

– Убрала от греха. Мне так спокойнее будет. – пояснила

она Еве. – Располагайся, деточка. Отдыхай.

Эти манипуляции сильно разожгли Евино любопытство.

Что это за зеркало? Почему бабка его скрыла? Может, оно особое? Колдовское??

Ева интереса не выдала, однако стоило Оне выйти за порог, сразу достала зеркало и внимательно осмотрела.

Тонкая деревянная рамка. Чуть затёртое от времени стекло. Ничего особенного и уж тем более необычного в нём не нашлось.

Разочарованная Ева отправила зеркало на подоконник.

Зачем его прятать? Сойдёт и так. Бабка завтра и думать забудет про эти свои причуды.

И вот теперь, в ночи, зеркало вдруг ожило!

Вместе со светом выплыло из него что-то вроде призрачной фигуры!

Перед Евой завис неясный силуэт длинноволосой женщины.

Женщина лишь махнула в сторону стекла, и словно на экране замельтешили кадры – Макс и Светка весело болтают в кафешке, покупают что-то в сувенирном магазинчике, целуются, держась за руки, бредут по улице...

Смотреть на чужое счастье было невыносимо, и зажмурившись, Ева взмолилась:

– Хватит! Пожалуйста, перестаньте!

– Открой коробок! – тотчас прозвучало в голове. – Прислушайся к чувствам!

– Какой коробок? – только и подумала Ева, как что-то тяжёлое прошлёпало по полу и вспрыгнуло на кровать.

Одеяло шевельнулось, заскрипели пружины... Испуганно взвизгнув, Ева отгородилась подушкой, пытаясь хоть как-то спрятаться от невидимки.

Однако ничего не случилось. Только стукнуло рядом легоначко, а после стихло.

Когда Ева решилась посмотреть, в комнате никого не осталось. Исчезла женщина, растаял зеленоватый свет. Не было на окне и зеркала – теперь оно вернулось на место, под тёмную ткань, куда его спрятала хозяйка.

Утро Ева проспала. После ночных событий болела голова, и настроение было так себе – тухловатое. Расчесав пятернёй спутавшиеся пряди, она потащилась на кухню.

Там царило оживление и звучал смех. Посреди комнатухи в картинной позе застыла Матрёша. Разряженная на клоунский манер, она довольно шурилась на собравшихся и переспрашивала:

– Как я вам? Правда, эффектный костюмчик?

– Твоя правда! – согласился с ней давешний дедок с хвостиком. – Знатная одежда! В такой сподручно ворон гонять с огорода.

– Много ты понимаешь, Семён. – отмахнулась Матрёша. – Я – артист! Я так вижу свой образ!

– Ну, коли артист... – хихикнул дед и захлебнул из чашки. – Всю жюрю распугаешь образой своей.

Матрёша в ответ крутанулась и жизнерадостно провозгласила:

– А шо? Я такая! Всех покорю! Вы ещё услышите про Матрёшу!

Рядом с дедом рассмеялась незнакомая девушка и виновато покосилась на «артиста».

– И эта туда же! – беззлобно погрозила Матрёша. – Ты, Маринка, городская, а ничего не смыслишь в искусстве перевоплощения!

Маринка согласно кивнула и, заметив Еву, радостно позвала:

– Привет! Садись рядом, баба Оня нам кашу сварила.

– Печка сварила, деточка. – Оня приподняла крышку на широкой кастрюле и приняухалась. – Вот и поспела. Теперь можно подавать.

Тут же появилась *кикуша*, ловко расставила по столу тарелки да помогла бабке разложить пышные широкие ломти.

– Каша? – Ева поморщилась. – Можно мне что-нибудь другое?

– В ресторации другое попросишь. – возмутился дед. – Ишь, цаца! Смотри, перекосит тебе – такой и останешься.

– Не пугай девочку, Семён. – пожурила Оня. – Сейчас придумаю что-нибудь. Хочешь, омлет запекую?

– Оставь, Оня! Семён прав. В гостях не привередничают. Что дали – то и ешь! – Матрёша придвинула тарелку и с аппетитом стала жевать. – Оня! Это прям торт у тебя! Ум отъ-

есть можно от такой вкусноты!

– Скажешь тоже, Матрёш – ум отъесть, – довольно шурилась баба Оня. – Рецепт-то совсем простой – рис, топлёное молочко, курага да орехи. Потомилось всё, упарилось. Под крышкой отдохнуло и готово дело. В конце я ещё маслица добавила, для сливочного вкуса. Ешьте на здоровье!

– Так вкусно! – подтвердила Маринка. – Я каши не любила, пока вашу не попробовала.

Ева поёрзала немного и осторожно колупнула угощение. И сама не заметила, как уплела кашу до последней крошечки.

– Ох, деточки! – спохватилась бабка. – Я же вас не познакомила! Нынче две гостьи у меня – Мариночка да Ева!

Маринка улыбнулась новенькой, невольно сравнив с собой, вздохнула. Та была невероятно хорошенькая – миниа-тюрная, с длинными медовыми волосами и кукольными чертами лица.

Ева же равнодушно кивнула в ответ и сразу отвернулась.

Она презирала подобных девиц – безыскусных, по-детски неуклюжих простушек.

Наверняка ещё в куклы играет! И сказки почитывает перед сном.

Подобная реакция Маринку не удивила, скорее привычно расстроила. Она частенько терялась в обществе сверстниц, не знала, как себя с ними вести.

– Куда кота подевали? – Матрёша смачно облизнула та-

релку. – Такое лакомство прозевал!

– В кладовой прилёг. Настоячки моей опробовал и отдыхает.

– Что на дубовом крошewe? – заинтересовался дед. – Может и нам поднесёшь по рюмашке?

– Поднесу, Семён. На Новогодье соберёмся и отведаешь.

– Кошака дворового уважила, а нам Новогодья ждать? – возмутился Семён.

– Ему в спячку надобно давно! А он мается. На *домовицу* Аннушкину засматривается.

– Тоже мне, герой-любовник! – Матрёша разглядывала длинные сиреневые ногти на руках. – Уж сколько я ему мозги вправляла, что нет никакой любви. Всё без толку.

– Немчишко-то твой... того, – перевёл разговор Семён. – Не выходит. Уже неделю из дому нос не кажут ни он, ни Светка.

– Ты мне про них не докладывай, – отмахнулась Матрёша. – Знать ничего не желаю!

– Воля твоя. Да только Мура, соседка ихняя, Грапе давеча шепнула, что шастать стали по двору у Светки! Не к добру это, девки. Ох, не к добру!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.